

Фэн Юаньси больше не смотрел на него.

Подняв глаза, он перевел взгляд через плечо Сяо Чжоцина – куда-то за его спину.

Сяо Чжоцин обернулся и с неожиданным удивлением понял, что князь Лянь каким-то образом уже оказался здесь.

Тот стоял у беседки на пересечении дорожек, окруженный свитой из сановников в багровых и фиолетовых одеждах, а сзади с добрый десяток евнухов держали фонари, освещая половину ночного пейзажа.

Нескольких из этих чиновников Сяо Чжоцин уже видел: в основном они происходили из числа приближенных князя Лянь и были его верными правой и левой руками, помогавшими удерживать бразды правления в своих руках.

Князь Лянь разразился раскатистым смехом, и придворные тотчас подобострастно заулыбались вслед за ним. На мгновение берег пруда наполнился столь беззаботной атмосферой, что Сяо Чжоцин даже растерялся на секунду.

– Прекрасно! А я-то гадал, куда запропастился Ваше Величество, а вы, оказывается, изволите беседовать с юношей Чжоцином!

Сяо Чжоцин обернулся: Фэн Юаньси не произнес ни слова, вскочил в седло и одной рукой подобрал поводья.

Огромный жеребец прошел мимо Сяо Чжоцина, взметнув порывом ледяного ветра, и тот невольно отступил на полшага назад.

Подняв голову, он увидел юного императора, восседающего высоко в седле и оборачивающегося на него.

В густых тенях черты лица казались неразличимыми, а в следующее мгновение тяжелый плащ со свистом взметнулся и теплой волной опустился ему на плечи, отрезая от пронизывающего ночного ветра.

Фэн Юаньси пришпорил коня и умчался прочь в темноту.

Переодевшись, Сяо Чжоцин вернулся в Нефритовый зал. Князь Лянь уже восседал на массивном кресле тайши и с напускным участием обратился к нему:

- Чжоцин, что же все-таки произошло только что у пруда Линьхуа?

На лице его читалась крайняя тревога, но продиктована она была вовсе не отеческой заботой.

Сяо Чжоцин был осведомлен о событиях прошлого. Во времена правления покойного императора Тай-цуна сыновей у него было немного: второй – утонченный и мудрый, но с детства страдавший от слабого здоровья; старший же – тупоголовый и властолюбивый, зато отличавшийся завидным телосложением.

Тай-цун долгие годы колебался и не назначал наследника, пока старший сын не потерял терпение, не поднял восемь тысяч отборных воинов и не пошел во дворец убивать отца.

Однако этот старший сын был до того глуп, что в канун мятежа, воспылав страстью к наложницам Тай-цуна, напился допьяна и принялся тискать одну из них, обещая, что завтра же, взойдя на трон, сделает ее императрицей. Войска еще даже не подошли к стенам, а весть об этом уже дошла до самого Тай-цуна.

Потому в ту ночь дворцового переворота, когда мятежник вонзил меч в вздущиеся на драконьем ложе перины и самодовольно обернулся, он обнаружил своего собственного отца, холодно взирающего на него из темноты.

Мятеж был подавлен Тай-цуном так легко, будто речь шла о детской забаве.

В гневе император лишил этого сына титула, разжаловал в простолюдины и лично издал указ: «Фэн Болянь одержим жаждой власти и отринул человеческую мораль; даже если в будущем у Великой Шан не останется продолжателей рода, сему отпрыску заказано восходить на великий престол».

Этот самый неумный старший сын и был нынешним князем Лянь.

Прошлое было столь постыдным для княжеского достоинства, что до сих пор никто не смел и заикаться об этом. Впрочем, пока над головой довлел императорский указ покойного правителя, возвести князя Лянь на императорский трон было задачей поистине невыполнимой, словно достать луну с неба.

Но шли годы, и, возможно, из-за неразрешенного внутреннего противоречия князь Лянь по-прежнему одержимо стремился демонстрировать свою родительскую любовь к Фэн Юаньси – исключительно ради того, чтобы доказать ошибочность воли Тай-цуна.

Придворные чиновники и военачальники один за другим устремили взгляды на Сяо Чжоцина. Тот понимал: если бы князь Лянь действительно хотел расспросить о происшествии у пруда Линьхуа, он сделал бы это много раньше, а не стал выжидать ради всеобщего собрания.

Сяо Чжоцин огладил рукава, поднялся с места и во всех подробностях поведал о том, как император сорвался в воду, а подоспевшие евнухи даже не попытались его спасти.

Князь Лянь закономерно изобразил гнев и ярость, взмахнув рукой и приказав сурово наказывать обоих евнухов.

– Ах эти рабы, какая распушенность! Этот князь тысячу раз наказывал им должным образом заботиться о Его Величестве, а они смеют так халатно относиться к своим обязанностям!

Гневно отчитавшись, он вновь сменил выражение лица на благожелательное и ласково обратился к Сяо Чжоцину:

– Его Величество вечно так проказничает, что просто не дает этому князю покоя. К счастью, сегодня Чжоцин совершил подвиг и вовремя спас императора.

Вспоминая грациозную и стремительную легкость, с которой Фэн Юаньси только что выпрыгнул из воды на берег, Сяо Чжоцин не осмелился бы утверждать, что это он спас императора.

Впрочем, сопоставляя происходящее с событиями прошлой жизни, он понимал: у князя Лянь были свои скрытые замыслы, но и у него самого имелся четкий план.

- Князь преуспел в похвалах, – лишь сухо и сдержанно отозвался он.

И точно: стоило Фэн Боляню умолкнуть, как один из сановников в алых одеждах с умыслом подал голос:

- Эх, князь день и ночь надывается ради блага Его Величества, истинно являя собой образец милосердия! Вот только в прошлом старый наставник Цзян пребывал в преклонных годах и столь нерадиво подходил к обучению государя, что это привело к нынешнему плачевному положению дел.

Окружающие чиновники тут же дружно закивали.

- Старый вор Цзян донельзя запустил Его Величество, его преступления заслуживают смертной казни!

- Какая фальшивая репутация, и лишь безграничная доброта князя спасла положение!

- К чему было проявлять столь широкую мягкость? Его давно следовало казнить!

Наставник Цзян только что покинул столицу, и клика князя Лянь спешила поквитаться с его учениками и сторонниками. Сейчас политический ветер дул в нужную сторону, и гражданские чины вместе с военными хранили гробовое молчание – никто не осмеливался замолвить за Цзян Лу хоть словечко.

Князь Лянь с мягким видом приподнял руку:

- Полно. Ныне первейшая задача – сыскать для Его Величества достойного наставника.

С этими словами он многозначительно улыбнулся и перевел взгляд на Сяо Чжочина.

Разве могли искушенные интриганы из окружения князя Лянь не понять намека?

- Кому же судить об учености, как не юноше Чжочину?

- Верно! Все говорят, что молодой господин Чжочин не преклоняется перед конфуцианскими канонами, но стоило ему явиться на экзамен – и он тотчас блестяще сдал его!

- Статьи и трактаты юношеского пера проверял я сам, и глубина мысли поистине заставляет нас стыдиться!

Они наперебой сыпали комплиментами, а Сяо Чжочин исподлобья бросил на них холодный, незаметный взгляд.

Запевалой оказался некий Ли Хэюн – бывший некогда домашним советником в резиденции князя, а ныне занимающий пост сановника второго ранга и старшего академика Внутридворцового кабинета. Достигнув вершины карьеры, он являлся самым доверенным лицом князя Лянь.

В «Попирающих князей» упоминалось, что именно он подал князю идею подделать имперский указ для начала мятежа.

И теперь, стоило князю подать знак, Ли Хэюн тотчас принялся вести партию.

И действительно, после всеобщих восторгов он с улыбкой поднялся из-за стола и отвесил князю Лянь глубокий поклон:

– Ваша Светлость, если юноша Чжочин соизволит взять на себя труд обучать государя, разве это не величайшая благодать для нашей Великой Шан!

Если князь Лянь за последние годы в чем-то и преуспел, то вовсе не оттого, что у него внезапно прибавилось ума, а благодаря слепой вере в этого человека.

В прошлой жизни князь Лянь точно так же зазывал Сяо Чжочина обучать Фэн Юаньси, и лишь после собственной смерти Сяо Чжочин узнал, что все исходило с подачи Ли Хэюна.

Поговаривали, что в канун своего отъезда из столицы старый наставник Цзян подал во дворец мемориал и провел с государем всю ночь в глубокой беседе, причем содержание их разговора осталось тайной для всех.

Это и заронило червь сомнения в душу Ли Хэюна: опасаясь, что безумие Фэн Юаньси может оказаться лишь искусно разыгранной маской, он посоветовал князю внедрить побольше преданных людей в окружение юного императора.

Как раз вовремя Цзян Лу покинул столицу, а блистательный вундеркинд из его школы, Ши

Сюцзе, с блеском занял первое место на экзамене. Ли Хэюн совершенно естественным образом подкинул князю эту кандидатуру.

Однако учеба государя – дело государственной важности, тем более речь шла о замене самого наставника Цзяна. А поскольку Ши Сюцзе уже с десятков лет проживал в особняке князя Лянь, об этом знала каждая собака в столице. Желая сохранить репутацию мудрого правителя, князь, а заодно и излишне осторожный Ли Хэюн сочли, что напрямую проталкивать Ши Сюцзе было бы некстати.

Потому-то их взоры и обратились на Сяо Чжоцина.

План Ли Хэюна был выстроен безупречно.

Сяо Чжоцин славился на весь мир своими талантами и надменной гордостью. Если бы князь лично обратился к нему с уговорами, Сяо Чжоцин наверняка ответил бы отказом; но благодаря этому князь не только заработал бы репутацию ценителя талантов, но и продемонстрировал бы всю глубину своих благих намерений, после чего он бы «вынужденно отступил к лучшему из оставшихся вариантов», и тогда Ши Сюцзе смог бы без помех занять место подле Фэн Юаньси.

– Если бы юноша Чжоцин соизволил наставлять Его Величество, этот князь обрел бы истинное спокойствие! – с предельной, напускной искренностью произнес князь Лянь на глазах у всех придворных, вкладывая в голос максимум чувства.

Актерское мастерство его, впрочем, оставляло желать лучшего.

Наблюдая за этим жалким представлением, Сяо Чжоцин даже не открыл рта, лишь молча выжидая.

В конце концов, молодой господин Чжоцин славился своей неукротимой гордыней; согласись он с первого же слова, это немедленно вызвало бы подозрения.

Князь Лянь и его приспешники были твердо уверены: подобные книжники ценят собственную спесь выше собственной жизни. А потому они разливались соловьем в уговорах, ни капли не боясь, что тот вдруг возьмет да согласится. Сам же Сяо Чжоцин прекрасно знал, насколько эти люди уверены в его несговорчивости, а потому невозмутимо стоял на месте, слушая льющие рекой славословия.

– Покойный император ушел столь внезапно, что Его Величество от пережитого ужаса

тронулся рассудком, и хворает вот уже десяток лет – как же этому князю не тревожиться! – видя, что Сяо Чжоцин остается глух к мольбам, князь решил первым делом разыграть карту душевного трепета. – Ныне государственные дела еще держится на мне, но если в один прекрасный день я последую за покойным императором, оставив государя в столь немощем теле, с каким лицом я предстану перед нашими предками, Тай-цзу и Тай-цуном!

Он вещал с таким надрывом и чувством, будто готов был тут же затянуть на сцене трагическую арию.

Окружающие сановники дружно утирали слезы, словно и впрямь прониклись чужим горем.

– Князю не стоит терзать себя столь сильно. Все недуги Его Величества имеют душевную природу, и если направлять его с помощью классических мудрых заветов, настанет день, и он полностью исцелится!

– Именно так, именно так!

Приближенные князя Лянь походили на стаю майн в галерее дворца – один начинал, остальные тут же подхватывали чужие реплики.

– Юноша Чжоцин только что проявил благородство, безвозмездно пожаловав императору верхнюю одежду – разве это не свидетельство его беззаветной преданности и отеческой заботы о государе? – снова встрял кто-то новенький.

Лицо этого человека казалось Сяо Чжоцину незнакомым, и боковым зрением он отметил, что имени его не припомнит.

– Точно подмечено! – тут же поддакнул Ли Хэюн. – Юноша Чжоцин спас Его Величество, а заодно отчитал тех распустившихся лентяев. На мой взгляд, его авторитет куда выше, чем у чинов из министерства наказаний или храма Дали. Коли у юноши Чжочина есть к тому склонность, я охотно похлопочу о вашем назначении в ведомство храма Дали – ведать надзором за чиновниками и заведовать уголовными делами!

Приспешники князя Лянь едва сдерживали смех, пытаясь унять расправившее их веселье.

Ну и коварен же господин Ли! Предлагать столь утонченному эстету, что лишь любит ветром да луной, копаться в тюремных застенках – неужто он и впрямь вознамерился до смерти перепугать этого белоснежного, безупречного юношу?

Глава храма Дали тут же поспешил подлить масла в огонь:

- Слова господина Ли весьма справедливы! Ныне как раз пустует должность младшего министра храма Дали, и сей скромный слуга готов с радостью ходатайствовать о вашем назначении!

И вот под всеобщие ухмылки и с трудом скрываемые усмешки собравшихся Сяо Чжочин вдруг слегка прищурился, а в его глазах блеснул такой интерес, будто он и вправду заинтригован.

- Правда ли? - спросил он.

- ...Что? - Ли Хэюн на мгновение растерялся.

- Уважаемый господин и вправду может похотатайствовать о моем определении в храм Дали? - с явным воодушевлением осведомился Сяо Чжочин на глазах у сотен сановников.

- Коль скоро слова господина Ли не пустой звук, я готов принять повеление и войти во дворец обучать государя!

В прошлой жизни разыгрывалась ровно та же сцена: желая продемонстрировать искренность намерений, князь Лянь в точности повторил историю о правителе Чжао-ле, трижды навещавшем мудреца в хижине, чем изрядно утомил Сяо Чжоцина.

Не сумев уговорить его уговорами, князь пустился в ход посулы, предложив Сяо Чжочину пост младшего министра храма Дали.

Почему именно храм Дали?

И это было замыслом Ли Хэюна. Глава храма Дали являлся преданным цепным псом князя Лянь, с легкостью расправлявшимся с неугодными чиновниками и устранявшим политических соперников; сие ведомство пользовалось худшей репутацией во всей столице.

Ли Хэюн был уверен: Сяо Чжочин ни за что на свете не согласится.

Но сейчас лицо Сяо Чжоцина оставалось равнодушным, а Ли Хэюн замер в полном оцепенении.

- Юноша Чжоцин... Вы... вы согласны?

Сяо Чжоцин кивнул:

- На днях я прочел «Записи об удивительных делах Великой Шан», и сие чтение пробудило во мне глубокий интерес.

Ли Хэюн: - ...

Разве можно из-за прочтения одного сборника криминальных историй тут же бежать в сыщики, неужто его ни капли не страшит вершить чужие судьбы?!

С каких это пор эти утонченные литературные эстеты стали относиться к делам государственной важности как к детской игре?!

Сяо Чжоцин выказал легкое недоумение:

- Разве господин Ли не желает этого?

Ли Хэюн: - ...

Все собравшиеся придворные, от мала до велика - несколько сотен пар глаз - уставились на него. Они же сами выстроили эту сцену ради красивого представления, а в итоге загнали в ловушку самих себя, да так, что теперь и сойти с помоста было нельзя.

Под безмолвным, тяжелым взглядом князя Лянь Ли Хэюн улыбнулся так криво, что эта гримаса казалась страшнее слез.

- Ха-ха... Желаю, конечно желаю. Разумеется, желаю.